

Юлия Кокошко пишет за гранью смысла: присутствие смысла в ее текстах еще ощущается, он где-то рядом, но граница между смыслом и его опустевшей оболочкой уже позади, и порождаемая речь в таком случае, как бы она ни была фактографична, — это речь сама по себе, речь-в-себе. Притом что речепорождение как самоценный процесс для совре-

менной поэзии не является новаторством, а в какой-то ее части даже воспринимается и в качестве мейнстрима. Не случайно некоторые тексты из вошедших в книгу впервые были опубликованы в столь далеком от литературного консерватизма «Воздухе» (2017, № 1).

Если пытаться определить место Кокошко в условном пространстве литературы, то оно неожиданно окажется вполне определенным: уже не Алексей Парщиков, но еще не Павел Улитин. Некогда ошеломленный метареализмом Урал породил множество производных от него авторских поэтик: например, где-то тут прочно обосновался трансгрессивно предметный Виталий Кальпиди, чуть поодаль — радикально расщепляющий субъек-

екта речи Евгений Туренко, далее — хитроумно смещающий смыслы и грезящий бездонным небом сюрреализма Андрей Санников, затем — особняком — плавно ассоциативная Евгения Изварина, наконец, самое причудливое, что рождено в недрах уральского метареализма: тексты Юлии Кокошко. Немыслимые, невероятные.

От Парщикова здесь остается конкретная осязаемость вещи. Мир, в представлении Юлии Кокошко, весьма и весьма материален. Его предметность явлена через ощущения и «иные непреднамеренные детали», которые субъект то ли фиксирует, то ли — что вероятнее — сам порождает. Перед нами возможная версия солипсического письма, когда слегка растерянный речетворец не

понимает, где же среди этой текучей вещественности находится он сам и где же границы его сознания. Речь ли состоит из предметов и их признаков, перенимает их предметность и объективируется, или предметы — это порождения речи, идеи, ставшие материализованными в процессе говорения?

Вообще-то, сакраментальный вопрос метареализма.

Впрочем, автора, скорее, занимают другие вопросы, как бы и вовсе не предполагающие ответов:

Кто фактичнее: наши коллеги в голубиных воротах — или парочка простолюдинов на мысу трамвайного ожидания?

(Подсказка от нас: у Кошко фактичнее все.)

Парщиковская вещь — хищник-жертва. Она поглощает и трансформирует другую вещь, чтобы быть поглощенной и трансформированной самой. Не менее хищная жизнь вещей Юлии Кошко однако претворяется в совершенно неповторимую онтологию, и тексты этого автора — не важно, как, в какой форме они существуют: прозаических полотен (не в этой книге) или поэтических миниатюр, — именно ничем не измеряющееся торжество онтологии, ибо сама вещь, ощущение вещи и знание о вещи, повторяюсь, здесь практически неразделимы:

*Снег этого года,
вытянув мерзнущие персты,
пальпирует все, к чему
приближен —
монархов, собак, атлетов,
идеалистов,
баловней и изгоев —
до поднаготной,
или простукивает тех, кто
неуловим,
как сад, зашторившийся
в белила,
не то в барочный,
складчатый борщевик...*

Наверное, не менее интересный аспект разговора, уводящий к обещанному Улитину, — условно западный код Юлии Кошко. «Сумерки, милый молочник...» — само название книги содержит олитературенные европейские реалии. Какой-нибудь «Ах, мой милый Августин» на фоне угловато белоснежных Альп и бесконечно поедаемых счастливыми коровами лугов цвета шартрез. Ну и, конечно, где-то тут же пестует опасных химер милый всякому сумеречному сердцу романтизм.

Скажем, что может быть романтичнее, например, этого фрагмента из цикла «Часы путешествий»?

*Ветер от озера —
с прикосновеньем
рыбы и ангела к той, чьи
глаза —
склянки с остатком,
отрава, буза,
сбоку от шнобеля — шнур
из наддверных —
с крупным обвесом
на интерес и насыщенный
звонок,*

*случай окраины с отблеском
Вены,
шапоглотательницы,
стрекозы...*

Но стоит предупредить: те, кто ожидает от Юлии Кошко романтических красот и только их, могут остаться разочарованными. Красоты в книге есть, однако вполне дозировано: то в виде утонченной метафоры, то как лексическая россыпь экзотизмов. В конце концов, «уголки радушного божелесья» все равно нарушит если не бурелом, то костолом.

*Итого: на дорогах
счастья — куда больше
прилежания.
В лунном свете наверняка
отражается
их желтый кирпич... или
в красных колпаках
дорожных крыш мерещится
— встающее солнце
и все, кого поднимают,
взвивают, вздергивают...*

И уж если заговорили про путешествия, то нельзя не добавить, что внутренняя сюжетика текстов Юлии Кошко часто связана именно с идеей путешествия, теми «часами путешествия», которые обещают движение по непредсказуемой пространственно-временной траектории. Часы тикают на протяжении всей книги, фиксируя то ВТУЗ-квартал с его пыльной советской недоэкзотикой, то пропитанную югом дорогу в утренний порт, то загадочную Малую Сумрачную-Продувную, то туман-

ный перелаз из Швейцарии в Австрию. Стоит ожидать, что где-то тут печально проедет автобус № 84, мелькнет анонс о распродаже конфискованных за день товаров, а Ольга Львовна, преподающая птичье пенье, будет зачем-то или от чего-то спасена молодым и добросердечным Виталием Альбертовичем, пишущим статьи для журнала из списка ВАК. Но останавливаться не будем — путешествие продолжается — на Запад, на Восток, на Юг, а то и в воображаемое пространство без определенной геокультурной конкретики, пространство загадочных заглавных букв, где есть платформы Пенал и Очковый Футляр, улица Реставрации, Магриттов лес, да и чего только нет

и какими только обитателями оно не кишит.

Но, пожалуй, интересно, что Север у Юлии Кокошко, в отличие от целого ряда уральских поэтов, не выступает как географическая доминанта, хотя так или иначе присутствует в текстах.

*Может быть, услышав
октябрьскую дудку
на прозрачном льду,
под которым мозжит
и пенится пруд, как
и вчера, и в тягучее лето,
хлюпает и кружит,
никак не наполоскавшись,
собралась, как честная
утка,
улететь уплыть...
но конфузно бежит,
перебирая онемелыми
желтыми лепестками...*

Юлию Кокошко сложно назвать певцом уральской ойкумены. Путешествие, о котором мы здесь говорим, имеет явную эскапистскую подоплеку: подальше от действительности.

Таким же, хотя, на самом деле, более радикальным эскапистом был «писатель воображаемого Запада» (повторим Алексея Конакова) Павел Улитин, работавший принципиально и исключительно с мерцающими смыслами. В случае же Юлии Кокошко сумрачное мерцание все-таки выстраивается в пусть и фрагментированные, но импрессионистически целостные и завораживающие картины.

Юлия Подлубнова